

Свою романтическую драму «Проводы белых ночей» известная советская писательница Вера Панова сопроводила многозначительным подзаголовком — пьеса-диспут. Зрителю предлагается забыть о привычных обязанностях более или менее азылированного наблюдателя. Автор зовет его стать активным участником событий произведения, поспешить, выдвинуть свое суждение о затронутых проблемах.

А повод для темпераментного разговора есть. И не один. Взять, к примеру, центральную линию драмы — рассказ об обманутой любви восторженной девчонки Нины. Блестящий, сшитый из стихов Пушкина и сверхмодных танцев, картинный, словно только что сошел со страниц журнала мод, бездельник обманывает одну, ввергает в горе другую, беспечно — уже под занавес — женится на третьей. Справедливость поправа. Зло, воплощенное в обаятельном пустоцвете Валерике, остается ненаказанным. Оно торжествует. В жизни так бывает еще часто. Но нравственный идеал каждого человека не хочет и не знает поражений. И когда

В. Панова ведет своего «героя» под звуки вальса во дворец бракосочетаний, наше представление о справедливости глубоко оскорблено.

Мы горячо спорим с автором и по поводу мелодраматического финала. Сугобо положительный молодой человек, друг Валерика — этого современного дон-жуанчика, вдруг проникается жалостью к обманутой Нине, к ее осиротевшему младенцу и увозит их в Сибирь, чтобы начать новую жизнь. Зритель вправе спросить, чего ж смочил этот благородный юноша, когда на его глазах маленький человечек топтал мечты неоперившейся девочки. Пьеса явно недописана. Ружья вынуты из чехлов, но выстрела не произошло.

Впрочем, на все это можно взглянуть иначе. Допустим, что В. Панова предлагает зрителю самому договорить судьбы и характеры героев. Мы же на диспуте.

Но одно бесспорно в произведении — оно дышит горным воздухом романтики, полно всех ярких красок, мечты о красоте жизни.

Как это ни парадоксально, но у каждого из героев пьесы, без исклю-

БЕЗ РОМАНТИКИ

чения, есть свое представление о романтике. Они говорят о ней во весь голос, предоставляя зрителю решить, чей же голос более всего совпадает с ритмами и мелодией времени. Если при постановке пьесы забыть об этой настроенности произведения, спектакль заползет в такую дыру низменного бытовизма, что диспут рискует превратиться в судебный процесс над уголовником.

Я не берусь утверждать, что постановка наших гостей — Курганского областного драматического театра целиком и полностью повторила заседание народного суда, рассматривающего дело о разводе или об уголовном преступлении. Но то, что постановщик Г. Литвак и исполнители главных ролей убрали, вопреки тексту драмы, ее нежную мечтательность, высокий полет романтики, оставив лишь резкие мрачные маски, ясно, как дважды два. Рассказ о нашей молодежи, ищущей, ошибающейся и вновь устремляющей свой взгляд в дали времени и жизни, превратился в убогую сатиру, высмеивающую тысячу раз высмеянных «стилягов». В тысячу первый раз Курганский театр «разоблачает» поклонников западного модерна, с убийственным сарказмом издевается над пестрыми галстуками и рок-н-ролами, с высоким пафосом утверждает прописную истину о том, что от безделья до преступления — один шаг... А пьеса Пановой с присущей ей тонкостью говорит: в советской молодежи настолько сильна вера в красоту нашей жизни, что гадости, попадающиеся на ее пути, не могут омрачить лучезарность мечты. Уж на что кажется пошловат начинающий кипарактер Виктор, но и он в финале пьесы заявляет:

— Мне надоело все это... Я хочу, чтоб меня уважали хорошие люди.

Кстати, исполнитель роли Виктора актер Е. Никулин и после этой значительной фразы продолжает наклеивать черные краски, рисуя заштампованную маску пошляка, словно он и не произносил приведенные выше слова Такова логика, заданная режиссером...

Вот перед нами «злой дух» Валерий в исполнении артиста В. Чосса.

— Он говорит, как поэт, — характеризует его Нина.

— Да, о любви он говорит, как Пушкин, — подтверждает ее слова первая жена «героя» Кира.

Казалось бы, ясно. Человек, которому принадлежат слова: «Любовь должна быть праздником», не может выглядеть мастером заплечных дел. И в самом деле, по пьесе Валерий изображен красивым, мечтательной наружности молодым человеком, умеющим говорить, как оракул. Такого раскусить — пуд соли съесть... Но как его подали актер и режиссер? С первой же секунды перед нами предстает испитый, вульгарный мот, с которым (куда уж там влюбляться!) рядом стоять страшно: того и гляди — сунет нож под ребро. И диву даешься, как могли с таким прохвостом дружить Герман, Рэм, Виктор! Ни о каком движении пьесы не может быть и речи, так как Валерик разоблачен в первой же реплике.

Однобокая, просвечивающая насквозь трактовка его образа сразу же снимает сложность и романтичность характера Нины. Артистка И. Васильевой не над чем задуматься. Она и играет вертлявую простушку, которой ничего не стоит обмануть доверие коллектива и которая — помани лишь пальцем — пойдет с первым встречным хоть на край света, не только на дачу.

Весь спектакль с его мрачным освещением, громоздкими декорациями оставляет впечатление приземленности. Романтичная, хоть и печальная, история любви и разочарования Нины стала бытовой драмочкой. Но, нам верится, спектакль может обрести крылья. Порукой тому яркие вспышки искренности, проявляющейся в игре артистов В. Жукова, В. Шадровского, Н. Филиппова, К. Филипповича и некоторых сменях, где режиссер Г. Литвак отбрасывает темные краски.

С. САИТОВ.

Советская Башкирия
г. Уфа
17 ИЮН 1962